

Среда, 30 декабря 1909 г.

Обзорные ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 948.

Комната имени А. П. Чехова.

Еще одинъ памятникъ. Памятникъ не въ видѣ обычнаго гордаго мавзолея, а... комнаты. Обыкновенной комнаты въ одной изъ подмосковныхъ санаторій, предназначенной въ исключительное и, конечно, временное пользованіе больныхъ литераторовъ и врачей.

Торжество открытія этой комнаты организовано было обществомъ дѣятелей печати и состоялось въ присутствіи вдовы Чехова, его брата, сестры и цѣлаго ряда писателей.

Высадились въ на ст. Брюкова, по близости которой и пріютилась санаторія. Пошумѣли около саней съ высокими пестрыми спинками, около разваленьей, кое-какъ устроенной. Подгоняемая морозомъ лошадейки быстро помчалась въ санаторію Н. А. Вырубова и А. Г. Хруцова.

Побѣжали навстрѣчу сосенки въ бѣломъ уборѣ. Засверкали на солнцѣ сибирскія поля. На далекомъ горизонтѣ задумчиво синѣлъ дѣсь.

Синѣла широко разбѣгались въ обѣ стороны отъ дорогъ. Иногда чернѣли пятнами на синѣгу избы. Висѣли надъ ними и долго не таять розовый отъ солнца дымы.

До санаторіи—версты четыре. Вырубовъ и Хруцовъ устроили свою санаторію въ громадной дачѣ, раньше принадлежавшей Рукавишникову, московскому городскому головѣ и крупному богачу. Парадные комнаты, отдѣланныя деревомъ, строго-красивы, даже величавы. Столовая въ два свѣта, обширная зала, кабинеты. Вездѣ громадныя каминны, напоминающіе Норвегію.

Въ залѣ три большихъ портрета Чехова, увѣтны, но случаю чеховскаго дня, зеленѣютъ.

Послѣ небольшой вступительной рѣчи предсѣдателя общества дѣятелей печати, сообщившаго, что комната будетъ предоставлена больному литературѣ, кн. Сумбатовъ поднялся съ собравшимися своими воспоминаніями о Чеховѣ и о встрѣчѣ съ нимъ.

Вспомнилъ кн. Сумбатовъ одинъ вечеръ въ ресторанѣ, наканунѣ того, какъ уѣхалъ Чеховъ на Сахалинъ. Его старались развеселить, разсѣлшить. Но плохо это удавалось. Грустный лежалъ Чеховъ на диванѣ, улыбался нехоты. Точно зналъ, что съ Сахалина привезетъ неизлѣчимую болѣзнь и неизякаемую печаль. Точно угадывалъ, что вотъ придетъ къ намъ одна короткая весна. И опять погаснетъ вѣнное солнце, опять опустятся и стгустятся осеннія сумерки, станутъ еще тяжелѣе, удручливѣе и безпросвѣтлѣе. Дадимъ же Аннибалу клятву,—такъ приблизительно закончилъ свое слово первый говорившій по поводу открытія чеховской комнаты,—клятву сознательной ненависти къ грязи и пошлости. Потому что въ такой ненависти—залогъ нашего спасенія, залогъ новаго и вѣрнаго расцвѣта. И изъ такой ненависти выросло все прекрасное чеховское творчество.

Вл. П. Немировичъ-Данченко говорилъ о Чеховѣ—драматургѣ. Съ театромъ у Чехова было много связей. Друзья,—актеры и драматурги усердно подбавляли написать. И онъ написать „Иванова“, какъ самъ рассказывалъ Немировичъ-Данченко.— въ 12 дней. Затѣмъ, побуждаемый Соловцовымъ, написалъ „Лѣшаго“ (будущаго „Дядю Ваню“). Получитъ, сердился, что Немировичъ-Данченко и Сумбатовъ „втирали его въ „Чайку“. Когда „Чайка“ была написана, Чеховъ послалъ ее Немировичу-Данченко и А. П. Ленскому. И Ленскій прислалъ Чехову записочку, въ которой очень убѣждалъ бросить писать пьесы... Въѣ слышномъ хорошо знаютъ судьбу „Чайки“ въ Александринскомъ театрѣ, и какъ это подбѣствовало на Чехова. Онъ рѣшилъ, что Ленскій былъ правъ въ своемъ совѣтѣ и надо „бросить писать пьесы“. И когда Художественный театръ захотѣлъ поставить „Чайку“, Чеховъ долго и упорно отказывался, умолялъ „избавить его отъ новыхъ мученій“. Согласился лишь тогда, когда Немировичъ-Данченко далъ ему честное слово: если будетъ какое-нибудь сомнѣніе въ удачѣ—пьесу снять, хоть послѣ генеральной репетиціи. Долго не хотѣлъ Чеховъ вѣрить, что „Чайка“ не только не провалилась, но имѣла громадный успѣхъ... И лишь послѣ „Чайки“ Чеховъ смѣло вступилъ на путь драматурга.

Три прелестныхъ чеховскихъ разсказа—„Шутка“, „Неосторожность“ и „Шило“—прочитали г-жа Книпперъ и гг. Правдинъ и Лебедевъ. По предложенію г. Вырубова, послали въ Москву телеграмму старой больной матери А. П., Е. Я. Чеховой.

Весь день носилъ характеръ большой задушевности, искренности и простоты. Память Чехова не была шокирована никакой напыщенностью и фальшью.

И рѣши въ воздухѣ задумчивые звуки „реквиема“, написаннаго къ открытію „комнаты“ А. А. Ильинскимъ.